

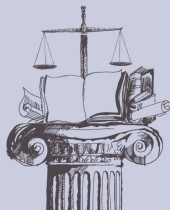

«Законодатель знает, что есть случаи, когда мерить мерой закона – значит смеяться над законом и совершать публично акт беззакония»

ФЕДОР ПЛЕВАКО

*«Факты отвергать нельзя:
снятой головы к плечам
не приставишь»*

*«За прокурором стоит закон,
а за адвокатом – человек
со своей судьбой»*

**САМЫЕ
ЯРКИЕ
РЕЧИ**

Федор Никифорович Плевако

Самые яркие речи

Серия «Моя жизнь»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36630848

*Самые яркие речи:
ISBN 978-5-17-109908-4*

Аннотация

Дорогой читатель! Книга, которую ты держишь в руках, уникальна. Это сборник речей русского адвоката, жившего в конце 19 века, Федора Плевако. Почему же его выступления во время защиты до сих пор, в наши дни, обладают такой силой? В чем их уникальность? Почему эту книгу можно читать как увлекательный роман – ведь и сейчас не только юристы, но и простые читатели пишут о речах Плевако восторженные отзывы и рецензии, сравнивают его выступления и его жизнь с увлекательным сериалом, фильмом подобным приключениям Шерлока Холмса или героев романов Агаты Кристи?

Содержание

Предисловие	5
Часть I	12
Речь в защиту Солодовникова и Медынцевой	12
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Федор Плевако

Самые яркие речи

© ООО «Издательство АСТ»

*** * ***

Предисловие

*Право есть искусство добра и справедливости.
лат. Jus est ars boni et aequi.*

Дорогой читатель! Книга, которую ты держишь в руках, уникальна. Это сборник речей русского адвоката, жившего в конце 19-го века, Федора Плевако. Почему же его выступления во время защиты до сих пор, в наши дни, обладают такой силой? В чем их уникальность? Почему эту книгу можно читать как увлекательный роман – ведь и сейчас не только юристы, но и простые читатели пишут о речах Плевако восторженные отзывы и рецензии, сравнивают его выступления и его жизнь с увлекательным сериалом, фильмом, подобным приключениям Шерлока Холмса или героев романов Агаты Кристи?

Дело в том, что жизнь Федора Плевако действительно похожа на сюжет о супергерое. Здесь есть и драма, и долгий путь через тернии к звездам, и настоящие подвиги, изменившие ход истории не только судебного дела в нашей стране, но и судьбу самой страны.

Его можно назвать русским Робинот Гудом 19-го века. При жизни его называли Златоустом, а на заседание суда, где Федор Николаевич выступал, защищая обвиняемых, собиралась толпа простых людей, достигавшая нескольких ты-

сяч человек!

Защитник – в прямом и переносном смысле слова – Федор Николаевич проработал адвокатом 40 лет и за эти годы выиграл почти все процессы – более двух сотен. К нему выстраивалась очередь на несколько лет вперед, а дела, в которых он принимал участие, неизменно становились самыми громкими во всей стране.

Конец 19-го века – это начало очередной для нашей истории эпохи перемен. Из-за судебной реформы целиком меняется вся судебная система России: теперь вместо закрытого суда, который проводился тайно, появляются суды присяжных, организуется институт общественных защитников, который не зависит от государства. У нового времени появляется новый герой – Федор Плевако.

И, как у любого настоящего героя, большие испытания и трудности преследуют его с рождения и даже являются прилагаемыми обстоятельствами его появления на свет: Федор Николаевич родился в степях под Оренбургом, в городе Троицк, в семье было четверо детей, двое из которых погибли еще во младенчестве.

Отец, из рода обедневших дворян, служащий на таможне, горячо обожал свою – увы – гражданскую жену, калмычку, и потому не состоял с ней в законном браке, что было трагедией для семьи. Мать Федора осуждали окружающие – в те времена жизнь в нецерковном браке приравнивалась чуть ли не к проституции.

В семье даже была легенда о том, что бедная женщина, не вынеся давления, в какой-то момент решила свести счеты с жизнью, но Федор своим громким плачем будто бы протестовал против этого ужасного действия, да так неистово, что мать не решилась совершить суицид. Такова была первая «защитная речь» младенца, в будущем – великого адвоката.

Но самое страшное заключалось в том, что, по закону того времени, незаконнорожденные дети считались людьми второго сорта, они не имели никаких прав и даже не могли быть наследниками.

Изначально обстоятельства жизни Федора Плевако сложились так, что он вынужден был расти изгоем: одаренный ребенок, еще в училище он попал на золотую доску почета школы. Уже во втором классе Федор спокойно умножал в уме трехзначные числа. Но из-за обстоятельств рождения и Федора, и его брата Дормидонта исключили из училища, несмотря на их способности и заслуги.

Семья переехала в Москву, и Федор поступил в гимназию, сразу в следующий класс. Затем он с блеском закончил юридический факультет Московского университета, а к двадцати пяти годам по всей столице стали ходить слухи о его таланте, и буквально еще через два года Федор Плевако был одним из самых лучших и дорогостоящих адвокатов Москвы.

Природа наделила Федора Плевако незавидной внешностью: калмыцкое лицо, широко расставленные раскосые гла-

за, непослушные волосы и при этом редкая хлипкая борода, низкий рост и неуклюжесть, и что самое поразительное и, казалось бы, ужасное для адвоката – тихий, по словам его коллеги, не менее выдающегося адвоката Анатолия Федоровича Кони, «пришептывающий голос»! Но его исключительная память, пытливый ум и эрудиция компенсировали это с лихвой. А свои речи он зачитывал с такой заразительной мощностью, убедительностью и искренностью, что от тихого голоса, как подтверждали многие его современники, дрожали стены! Столичные газеты в те времена писали о трех достопримечательностях Москвы: Царь-пушке, Царь-колоколе и Федоре Плевако.

К тридцати шести годам Федор Николаевич зарабатывал баснословные деньги. К этому периоду своей жизни его можно смело назвать настоящим русским Робинсом Гудом: он без стеснения требовал огромные гонорары от купцов, которых защищал. Одновременно с этим Федор Николаевич жертвовал колоссальные суммы своих накоплений детям-сиротам, нищим рабочим (наиболее яркие и редкие выступления в защиту рабочих вы можете прочитать в разделе «Политические речи»), беднякам и инвалидам. Купив немислимый по роскоши двухэтажный особняк в Москве на Новинском бульваре, Плевако совершенно спокойно давал своим подзащитным возможность пожить у него дома и даже оплачивал все расходы во время разбирательства. Он никогда не отказывал беднякам и часто брал чисто символическую плату,

даже в виде «натурпродукта».

Самое удивительное в этой, казалось бы, почти сказочной истории жизни то, что Федор Николаевич никогда не шел на сделку со своей совестью. Особенно показателен один случай суда над братьями, обвиняемыми в хищении денег – именно на этот процесс из-за присутствия Плевако собралась трехтысячная толпа обычных людей. Конечно, все – и простой народ, и присяжные, и даже судьи – были уверены в том, что Плевако мастерски разнесет обвинителя в пух и прах и, скорее всего, выиграет дело. Однако в ходе заседания Федор Николаевич вдруг вскочил и стал с невероятным жаром доказывать вину своих подзащитных. Прямо на суде он понял, что братья виновны.

Но самое большое испытание ждало Федора Плевако впереди, или, как говорят, проиграл он самое крупное дело в своей жизни. Данное судебное разбирательство тянулось целых два десятилетия. Это было не убийство, не кража и не политическая стачка – а печальная история любви между самим Федором и его подзащитной, Марией Демидовой.

Мария пыталась добиться от своего мужа-миллионера развода. Бракоразводный процесс длился 20 лет, и до самой смерти бывший муж был не согласен ее отпустить. Мария Демидова и Федор Плевако очень сильно полюбили друг друга, у них появилось, по некоторым источникам, трое детей. Горькая история детства Федора повторялась: его дети были незаконнорожденными, бесправными, не имеющими

полномочий унаследовать славу и богатство гениального отца. Федор Николаевич всеми силами пытался не допустить этой трагедии – он оформил своих детей как подкидышей, а потом много-много лет своими прошениями добивался при-своения детям своего отчества и фамилии.

Федор Плевако умер в шестьдесят шесть лет от разрыва сердца – так в те времена называли инфаркт. Его похороны проходили при невероятном скоплении совершенно разного народа. Его любили все: миллионеры, купцы, рабочие и нищие. И даже почти столетие спустя, когда кладбище Скорбященского монастыря, где был похоронен Федор Плевако, сносили, из нескольких тысяч захоронений только его останки с официального разрешения властей перезахоронили на Ваганьковском кладбище. На его надгробии высечена цитата из Библии, которую Федор Николаевич часто произносил на своих выступлениях: «Не с ненавистью судите, а с любовью судите, если хотите правды». На его родине, в городе Троицке, ему поставлен памятник. В девяностые годы Гильдия российских адвокатов учредила золотую медаль имени Плевако, которой и по сей день награждаются адвокаты за выдающиеся успехи в защите конституционных прав и свобод. Интересно, что этой медалью также награждаются ученые, журналисты, деятели культуры и даже учебные заведения – за особый вклад в правозащитную деятельность.

В этой книге самые громкие и знаменитые выступления, являющиеся эталоном и учебником для многих поколений

русских юристов, чередуются с редкими и малоизвестными речами. Федор Плевако – гениальный оратор, полагающийся только на совесть, импровизацию и силу вдохновения. Его речи по сей день помогают нам помнить о том, что любая ситуация очень часто совсем не такая, какой может выглядеть на первый взгляд, а значит, не стоит судить и осуждать, не зная всех подробностей и обстоятельств. Он учит нас столь актуальной в наши времена осознанности. Но самое главное – он учит нас тому, что из любой, даже самой сложной и страшной ситуации, можно найти выход. И победить.

Часть I

Речи Ф. Н. Плевако на уголовных процессах

Речь в защиту Солодовникова и Медынцевой (дело игуменьи Митрофании)

*(обвинение в краже, подлоге, мошенничестве, присвоении
и растрате чужого имущества)*

Господа судьи и господа присяжные заседатели! Пришло время свести счеты игуменьи Митрофании по делам с Солодовниковым и Медынцевой, за которых я пришел ходатайствовать на суде. Пришло время решить: клевета врагов или темнота собственных поступков привели игуменью и весь этот штат на скамью подсудимых. Десятидневное доказанное вашими запросами внимание к делу обязывает меня щадить ваше время, и вы позволите мне прямо вступить в середину этого дела, прямо заняться решением существенного вопроса процесса.

Хороши ли документы, написанные от имени Медынцевой, не взяты ли они задними числами, когда она была под

опекой, выманены путем обмана и пущены в свет с целью разорить ее?

На этот вопрос нет возражения. Особенность процесса Медынцевой в том и состоит, что подсудимые не отвергают обмана, только стараются свалить зло с одной головы на другую. От хорошей вещи, от честного дела никто не отказывается; хорошую вещь не прочь иметь и тот, кому она не принадлежит. А здесь мы видим не то: всякий чуждается этих векселей. Спрашиваем Трахтенберга: ваши эти векселя? – Нет, нет, это матушка мне их дала. Спрашиваем Красных – а на ваше имя писанные – ваши? – Нет, мне матушка велела написать, я написал и ей отдал. Макаров тоже отмахивается рукой в ее сторону, а игуменья, в свою очередь, валит вину на Макарова, Трахтенберга и Толбузина...

Есть векселя, писанные на подрядчиков общины и на монахинь, но и те в один голос отвечают, что с Медынцевой векселей не брали, дел не имели и что до опеки, – она была им неизвестна.

Казалось бы, при таком порядке вещей следствие должно было остановиться на тех, на чьи имена писаны векселя. Но к чести правосудия, оно не оставалось на внешности, на орудиях преступления; оно проникло вглубь, отыскивало действительных виновников, отыскивало душу преступления и предложило труды свои вашему вниманию. Следствие доказало вам, что было время, когда Медынцева, отданная под опеку, жила у игуменьи Митрофании и подчинялась ее влиянию.

Защита не оспаривает подобной черты характера Медынцевой и в течение этих дней очень часто обращала внимание на то, что и сейчас Медынцева подчиняется слепо влиянию тех, кто ее окружает и кому она верит. Медынцева была такою и тогда, и игуменья имела все средства взять с нее бланки. Но когда они взяты? Обвинение предполагает, что это случилось в квартире Трахтенберга, когда взяты были с нее подписи на продолговатых белых бумажках. Я не стану поддерживать этого положения. Медынцева, с полной откровенностью показывавшая о деле, что она помнит, рассказала, что всегда и везде бесконтрольно подписывала все, что ей приказывала игуменья; но рассказывая, что она помнит, она сочла долгом не утверждать того, что эти белые бумажки были векселя.

Не уловив момента, когда были взяты бланки, обвинение и потерпевшая сторона ничего от этого не теряют. В дальнейшей судьбе векселей, в их пользовании и способе обращения их выясняются люди, кому эти векселя были надобны, и средства, какими они пользовались при этом.

У нас есть факт, что текст векселей в большинстве написан измененною рукой игуменьи, в чем она здесь созналась, хотя и отрицала это на следствии, – факт, что они написаны на имя ее послушниц, на имя ее подрядчиков и ее спутников в делах – Махалина, Трахтенберга. Каким же образом могло случиться, что обманывали Медынцеву Трахтенберг и Толбузин с Макаровым, а на векселях появлялись не отвергае-

мые ее послушницами безоборотные бланки и собственно-ручные тексты игуменьи? Игуменья говорит, что тексты и бланки были заранее написаны для дел Смирновых, что эти тексты и бланки исчезли и ими злоупотребили ее бывшие друзья и ближние. Неправдоподобное объяснение! По делу Лебедева игуменья говорила другое, что она, напротив, любительница на случай нужды брать с купцов бланки без текста, а здесь уверяла, что у нее заранее заготавливаются на случай надобности тексты без подписей.

Затем, есть или нет правды в объяснениях игуменьи о похищении бланков, но написанные задним числом и выманенные у Медынцевой подписи на векселях в начале 1873 года все собираются в руках игуменьи. Это время сушкинской сделки. Она очень характеристична. В ней мы увидим всех действующих лиц этой обирающей Медынцеву компании и единодушную работу для этой цели.

Из слов Ушакова вы знаете, что на 150 тысяч рублей векселей Медынцевой он свез к Сушкину. Сушкин не изумлялся, не сомневался: от игуменьи он уже знал о товаре, ему предложенном. За векселя он заплатил полтину за рубль, заплатил товаром, который ценил втридорога; и свидетели обвинения, и свидетели защиты единогласно свидетельствуют о чудовищном барыше, о ростовщической жестокости Сушкина, который захотел попользоваться 150 тысячами рублей Медынцевой, заплатив за это много-много по 30 или 35 коп. за рубль. Куда же пошли вырученные деньги? В общину и

к Макарову. Из чего состояли векселя? Из векселей руки Митрофании и прибавленного десятого векселя, писанного на имя Яненко, свояченицы Макарова. Эта Яненко признает, что она писала его по просьбе Макарова. Прежде она говорила, что подпись Медынцевой уже была; на суде она отступила от прежнего показания; она сказала, что, когда текст был написан, подписи не было. Мы не верим этому; это показание подделывается под объяснение Макарова, на суде утверждавшего, что этот вексель без подписи он вручил игуменье, а та уже добыла подпись Медынцевой. Мне кажется до очевидности ясным, что Макаров был владельцем этого векселя, что он просил Яненко, как она и показала на следствии, вписать текст. Зачем же он попал к нему? Да недаром же Макаров, опекун Медынцевой, помогал игуменье и Сушкину обобрать Медынцеву. Что за бескорыстное служение злу! И вот вексель на имя Яненко и часть денег, уплаченных Ушаковым Макарову и Порохонцеву, обличают Макарова. Нет сомнения, что бланк Медынцевой есть дар, предложенный Макарову за содействие при сбыте векселей опекаемой. И поработал Макаров! В опекунских бумагах мы читаем запрос Сушкина опеке о достоинстве векселей Медынцевой; такой же запрос опекуна Медынцевой и ее покорное признание, что эти векселя действительно и писаны в 1869 и 1870 годах до опеки. А ведь о том, что эти векселя дурны и эта подписка Медынцевой не верна, никто не спорит. К чему же было лгать себе во вред Медынцевой? Подписка эта мог-

ла быть взята или принуждением, или на заранее подписанном бланке, данном Макарову. Но Медынцева не обвиняет Макарова в принуждении и взятии бланков; следовательно, этим материалом его ссудила та личность, которая владела такими бумагами, а личность эта – игуменья, по свидетельству ряда лиц, здесь допрошенных.

Этим работа не кончилась. Домашние подтверждения недостаточны для Сушкина, и Макаров задумал взять с Медынцевой подтверждение нотариальное, чтобы ни время, ни место взятия бумаги не подлежали сомнению. Является к Медынцевой нотариус Подковщиков и берет заявление. Макаров сидит уже у Медынцевой и дает ей совет подписать заявление, обнадеживая ее ничтожностью этой бумаги. Никого другого, кто бы, по-видимому, от игуменьи дожидался этой бумаги, нотариус не видал. Кто же, как не Макаров, брал эту бумагу?

А в это время не дремлет и игуменья. Обеспеченная первым завещанием Медынцевой, совершенным у нотариуса Рукавишникова, в пользу общины, игуменья заменяет это завещание другим. Медынцева едет в Серпухов и при участии священников Владычного монастыря в качестве свидетелей совершает завещание, где специально подтверждает свои до опеки данные долги, долги, которых, по общему сознанию всех, не существует. Не Медынцевой нужна была эта ложь, а тем, кого это касалось. Что завещание есть дело игуменьи, это несомненно; оно у нее и хранилось до сих пор.

Что этим завещанием укреплялись интересы Сушкина – ясно; что с этою целью оно писалось – несомненно. Значит, в Серпухове хлопотали о Сушкине и интересовались им.

Получив эти векселя, Сушкин хорошо понимал, что они низкой пробы. Как же поправить дело? Придуманно недурно. Сушкин, старожил Москвы, хорошо знающий, что Медынцева живет в Москве, знающий это от ее опекунов, с которыми вел переговоры до покупки векселей, вдруг усылает векселя для взыскания в Курск, Орел и Тамбов. Переезжая из города в город, его услужливый поверенный заявляет, что Сушкину неизвестно местожительство Медынцевой, и вызывает ее через Сенатские Ведомости. Кто из граждан читает эту газету? Никто. Пройдет срок, и вот по закону суды поставят заочное решение, оно войдет в законную силу. Сушкину выдадут исполнительные листы, с которыми уже спорить нельзя, и деньги отдать придется. Но, к счастью, в лице опекуна Гатцука и поверенного Иванова Медынцева встретила защиту. Было доведено до сведения властей о Подковщиковской бумаге и приняты законные меры к уничтожению вредных последствий. Тогда пошла иная работа, направленная к тому, чтоб устранить вредных людей, а вредные люди те, кто мешают обобрать Медынцеву. Вы знаете, что старались сместить Гатцука: именем Медынцевой без ее воли уничтожают в Полицейских Ведомостях доверенность, данную Иванову. «За что же вы лишаете меня полномочия, не я ли спас вас от разорения, задуманного Макаровым?» – спрашивал он до-

верительницу. Она изумлена. Она этого не делала. Тогда делается в газетах новая публикация, и обнаруживается ложь первой. Что же делает Макаров? Он спешит заявить, что первая публикация была искажена, что типография ошиблась. Публикация эта делается от имени типографии, вроде извещения об опечатке. Но кто не видывал, кто не читывал Полицейские Ведомости? Скажите мне, случалось ли вам встретить редакторские поправки в этой газете? Не запомню такого случая. Поэтому та особая щепетильность, с какою исправляется первая публикация Медынцевой, не есть ли дело Макарова, который увидел, что он нарвался в этом деле?

Я думаю, что дело Сушкина – общее дело игуменьи и Макарова.

Векселя на имя Красных носят тот же след работы игуменьи и Макарова. Красных признался, что игуменья упростила его написать текст, указывая на благо общины; игуменья факта не отвергает. А по передаче этих векселей какой-то гже Тицнер, по словам того же чистосердечно сознающегося Красных, ведь уж не игуменья, а Макаров потребовал расписки о продаже векселей и получении расчета.

Кроме Тицнер, оказались векселя еще на имя несуществующего лица Карпова. От Карпова они переходят к какому-то Мейергейму. Где этот Мейергейм? Кто он? Этого, как и личности Тицнер, мы не могли узнать. Вообще, кроме Сушкина, характер которого и жадность к наживе мы достаточно изучили и которого смерть освободила от ответственности,

прочие владельцы куда-то скрылись, куда-то бежали. Темные люди... Они охотно вступили в темное дело и скрылись от опасности, выдав одну игуменью, рассчитывая, не спасет ли ее сан и положение, не удастся ли ей каким-нибудь способом обмануть правосудие и выйти чистой. А если это свершится? О! Тогда выползут они из своих нор и, осмеивая слабость правосудия, начнут рвать в куски чужое добро, и уже не спрячутся, а гласно будут заявлять свое местожительство, может быть, придадут ему блеск и роскошь на добытые средства.

Но довольно об этом. Темное происхождение и ничтожность добытых обманом векселей явны, явно и участие подсудимых. Оно вызвало со стороны Сиротского суда преследование, к нему присоединилась Медынцева. Началась борьба. И какие же средства для этой борьбы затеяла игуменья?

Игуменья подрывает значение следствия тем, что поданная Медынцовой жалоба писана не ею, а мною, а ею подписана. Да, это так. Но что же из этого? Разве просьбы, подаваемые суду, пишутся теми, кто подписывался? Разве вы, являясь к вашему поверенному или знающему законы человеку, заставляете его под ваш диктант писать нужные бумаги? Вы излагаете ваше желание, просьбу, обстоятельства, а знающий человек или адвокат даст отделку или форму бумаге. И мне странно, что на это обращено внимание ваше не только подсудимыми, но и защитой игуменьи. Разве в вашем портфеле о вашей деятельности нет таких случаев, разве вы стесняете

себя способом выражения неразвитых просителей, заявляющих свои справедливые, но неловко выраженные просьбы? Адвокат не писарь; он обязан согласоваться с желанием, а не развитием клиента.

Защита подрывает дело, указывает на нравственные недостатки таких свидетелей, каковы Толбузин и Ефимов, и ставит это в укор обвинению. Да разве они – основа дела, разве на них держится дело и наше требование? С доверием к Толбузину мы не относимся: два года приближенный игуменьи, два года наперсник ее торгово-промышленных тайн, пособник ее в делах Медынцевой, мог ли он остаться добросовестной личностью? Он – улика, живое обличение игуменьи. Он страшен нам, и опека ни минуты не сомневается в его вредном влиянии на Медынцеву. Но на суд нельзя тянуть человека нехорошего, пока не уловят его в делах. А ведь Толбузин именно и стоит в таком положении. Говорят, что ему и Трахтенбергу дан был вексель на 6 тысяч рублей от имени Медынцевой. Но ведь вексель этот нашелся не у него, а у игуменьи, и написан он на имя одного Трахтенберга. Он сознает, что расписку в 6 тысяч рублей игуменья просила его написать на его имя, но мы ее не могли найти. Словом, пока Медынцева была в руках Макарова и игуменьи Митрофании, явилось на сотни тысяч векселей, а теперь, пока не оторваны еще от Медынцевой Ефимов и Толбузин, никаких обязательств не появляется.

А если эти люди, обойдя бдительность теперешней опе-

ки, сумеют воспользоваться Медынцевой, то разве сегодня же закроется суд на Руси? Уйдете вы домой – на ваши места сядут другие; вот эта решетка и скамья подсудимых не уберется; мы не устанем просить тех, кто займет ваши судебские места, о законности и правосудии. Новая опека – опека энергичная. С передачей в руки ее дел Медынцевой судебная власть встретила поддержку и ни малейшего противодействия. Медынцева в первый раз спокойна и довольна ею. Начинать же с Толбузина и Ефимова было бы бестактно. Это маленькие и неопасные злодеи. Преследуя маленьких, мы даем дерзость большим, а справившись с большими, до маленьких дойти всегда успеем. Когда, войдя в кладовую, хозяин выгоняет тайно забравшихся крыс, и мыши разбегутся по норкам. Далее адвокат разобрал показание инокинь и показаниям монахинь Магдалины и Зинаиды противопоставил показание монахини Феодосии.

Она сперва дала благоприятное для игуменьи показание, но затем, мучимая совестью, показала следователю, что она боялась депутата от духовного ведомства, оттого и говорила, что вексель Медынцевой она писала по приказанию игуменьи. Ее слова: «Я в монастырь пошла не для того, чтобы лгать», ее слова: «Я под присягой лгать не могу...» Какой укор игуменье, какое обличающее тайну ее обители слово!

От тех показаний, в которых есть все, кроме правды, как разнится свидетельское показание архимандрита Григория! Вот свидетель не из подвластных игуменье Митрофании,

свидетель, носящий на себе высокий сан монашества и долг священства. Смотрите, как он держит себя на суде. Одно слово его за игуменью могло бы поколебать обвинение, но он дорожит правдой и поэтому ничего полезного не может сказать для обвиняемой. Тою же правдой дорожит и выше его стоящий архипастырь митрополит Иннокентий, письмо которого мы прочли вчера. Каждое слово, каждое выражение его знаменательно. Вы помните, что игуменья, по словам владыки, два раза привозила к нему Медынцеву. «Раз она была одета, – говорит митрополит, – неприлично, крайне бедно, а другой раз прилично». Слышите: не успела еще сшить ей приличного платья, а везет уже к владыке. Зачем такая торпливость? Ответ в том же письме. «Игуменья, – продолжает архипастырь, – сказала, что Медынцева жертвует общине дома», что Медынцева подтвердила. Вот зачем ее привозила игуменья Митрофания. Не успела одеть, а уже берет с нее дом. Заметьте еще, что у владыки эта словоохотливая женщина, которая здесь говорила так много о себе, о своей опеке, молчит и только подтверждает чужую речь – речь игуменьи. Слышите ли вы в этом ту деятельность, которую мы и доказываем, что игуменья держала Медынцеву в руках и заставляла ее только подтверждать ее слова, запрещая всякую от себя исходящую беседу, всякое проявление своей личной воли?

Вот когда началось дело с Николаем Медынцевым, когда он ценою дома в 125 тысяч рублей и обязательств на 50 ты-

сяч рублей купил право говорить с матерью, игуменья действует иначе: Николая Медынцева она с собой не везет к владыке, а, по словам письма, только доносит о нем архипастырю. Обвиняемая знала, что он скажет, почему он решился на вынужденную жертву, и что архипастырь не похвалит за ней игуменьи. Указав еще на несколько данных по делу против подсудимых, адвокат так заключил свою речь по делу Медынцевой.

Неприглядная картина рисуется перед нашими глазами, когда мы вспомним все, что проделывалось с этою женщиной и кем проделывалось! Игуменья – душа этого дела; темные личности вроде тех, кого она привела с собой на скамью, и тех, чьи имена так часто повторялись на суде – Фриденсоны, Сушкины, Тицнеры, Мейергеймы, – ее друзья и сообщники сомнительных денежных сделок. Инокини – векселедержательницы и бланкоподписательницы, и притом услужливые ее свидетельницы на суде, и какие, к стыду своему, свидетельницы! Верь после этого внешности! Путник, идущий мимо высоких стен Владычного монастыря, вверенного нравственному руководству этой женщины, набожно крестится на золотые кресты храмов и думает, что идет мимо дома Божьего, а в этом доме утренний звон подымал настоятельницу и ее слуг не на молитву, а на темные дела! Вместо храма – биржа, вместо молящегося люда – аферисты и скупщики поддельных документов, вместо молитвы – упражнение в составлении вексельных текстов, вместо по-

двигов добра – приготовление к ложным показаниям – вот что скрывалось за стенами. Стены монастырские в наших древних обителях скрывают от монаха мирские соблазны, а у игуменьи Митрофании не то. Выше, выше стройте стены вверенных вам общин, чтобы миру было не видно дел, которые вы творите под покровом рясы и обители!

Игуменья говорит: «Не для себя, для Бога я делала все это!» Я не знаю, для чего совершали это ограбление, но Богу таких жертв не надо. Каинова жертва не может быть Ему приятна; лепта добровольного приношения вдовицы Ему лучше золота фарисейского. Ей это известно лучше нас, так пусть же не прикрывается она этим, пусть кощунством не обморачивает умы. Пусть ее дела во всей наготе своей свидетельствуют на нее и на друзей ее!

Солодовниковское дело, этот венец дел игуменьи, по выражению обвинительной власти, имеет ту особенность, что подсудимой не на кого сбрасывать вины. Люди Медынцевского кружка давно оказались ненадежными, дерзость преступления могла смутить преданных ей инокинь; пришлось все совершить одной, доверив лишь часть тайны Махалину. Если же сбрасывать вины не на кого, то осталось одно средство – отрицать преступление, отрицать до крайности, с невозможной, раздражающей смелостью, отбиваться средствами отчаянной схватки, которые сами по себе обличают подсудимую в том, в чем ее обвиняет прокуратура и за что преследуем мы. Вы слышали, что чудовищная масса вексе-

лей на 460 тысяч рублей, ряд расписок на 35 тысяч рублей, на 50 тысяч рублей, на 200 тысяч рублей, две по 250 тысяч рублей и, наконец, расписка на 580 тысяч рублей – вот творение ее рук. Сумма, далеко превышающая все состояние Солодовникова, – вот приписываемая ему жертва. Сотни писем и записок, будто бы им писанных, писанных, когда он еще был жив, и направленных на то, чтобы подорвать настоящее дело, – вот средства ее борьбы.

Мы усомнились в этой жертве и начали борьбу. Что же сказало следствие в нашу защиту?

Обзор документов, сделанный вами и экспертизой, показал, что мы имеем дело с подлогом. Вы слышали слово экспертов: никогда еще на суде не раздавалась такая энергичная, такая богато мотивированная речь сведущих людей по этого рода делу. Потратив несколько дней напролет на самое тщательное изучение рукописей настоящего дела, доказав своими ответами по делу Лебедева и по вопросу о сличении почерков игуменьи на разных векселях осторожность, они резко и решительно высказались о подлоге документов Солодовникова и его писем. Литограф Бекан взялся на суде публично изложить ход мысли экспертов и указать на материалы, которые дали основание их мнению. Он чертил вам буквы, как их пишет Солодовников и как они написаны в подложных бумагах, и вызывал защиту указать отступления или исключения. Она не нашла их. Он открыл вам, что под подражанием руке Солодовникова, старческой, дряблой, но

весьма оригинальной, скрывается рука, пишущая прекрасно, владеющая почти искусством каллиграфа. То же сказали и другие эксперты. Они сказали и доказали вам, что кроме неумения писать, Солодовников не знал и правописания, и привели рельефные примеры на словах «генварь», «дикабрь», которые написаны правильно лишь в документах игуменьи. Они указали вам, что Солодовников писал свое отчество всегда «Грасимович», сливая оригинально букву «е» и букву «р» в одну букву, а на подложных документах везде написано «Герасимович». Эти указания весьма важны. В самом деле, отчего Солодовников, всегда пишущий одним почерком, только для игуменьи переменял его, отчего, всегда пишущий неправильно, только для игуменьи Солодовников пишет и отчество свое, и название месяцев безупречно в грамматическом отношении? Ответ один – оттого, что не Солодовникова, а чужая рука, умеющая писать, как каллиграф, знающая грамматику, потрудились за него.

Хорошо пишущий может еще иногда писать дурно, но чтобы Солодовников, до 70 лет писавший дурно, связно, так что трудно читать, вдруг бы с 18 декабря 1870 года по 5 января 1871 года стал писать каллиграфически – это невозможно и прямо изобличает подделку. Точно так же вдруг появившаяся грамматическая правильность в названии месяцев, правильность, исключительно замеченная в документах игуменьи и не повторяющаяся в современных подделке бесспорных документах, может быть объяснена лишь преступным

происхождением документов. А характеристическая манера писать «Грасимович» вместо «Герасимович» разве не улика? Правда, защита обращала ваше внимание на то, что подделыватель не станет настолько свободно отступать от оригинала. Но защита забыла, что единственный бесспорный документ – расписка в 6 тысяч рублей, – бывший в руках игуменьи и подписанный именем, отчеством и фамилией, был ею подан ко взысканию еще в 1871 году, при жизни Солодовникова, когда о подделке она еще и мысли не имела, – оттуда он, оплаченный тогда же, перешел к нам, и у игуменьи не было подписанного отчеством оригинала. У нее оставались письма Солодовникова, которые ей и служили оригиналами, а в письмах отчеством не подписываются; вот почему ей слово «Герасимович» пришлось воспроизводить по отдельным буквам и оно изобличило ее.

На экспертизу, конечно, будут нападки, будут говорить, что за наука чистописание! Но, господа, не всегда научные сведения необходимы для суда; бывают предметы и вопросы, где спорный вопрос есть вопрос ремесленный, где хороший мастер – лучший эксперт дела. Едва ли портной не лучше всех решит вопрос о прочности шитья; едва ли мастер фабрики не лучше всех укажет достоинства и недостатки изделий, которые он производит. Чистописание – не наука, письмо – не премудрость, но все же никому, как лицам, занимающимся обучением письму, исправлением почерка, лицам, постоянно воспроизводящим в качестве граверов и

литографов чужие письма, так не знаком навык видеть малейшие особенности почерка и находить сходство и несходство в сравниваемых рукописях. Бекан – эксперт, вызванный самой защитой, – сверх того доказал, что может сделать любовь к делу и добросовестное исполнение обязанности; он показал, что не сразу, не с первого впечатления, а по сравнению и сравнению всех особенностей давая заключение о деле, экспертиза письма может иметь убеждающее значение в процессе. Сама защита почувствовала силу этой экспертизы и прибегла к решительному испытанию ее: с разрешения суда она предлагала г. Бекану несколько действительных и фальшивых писем Солодовникова с тем, чтобы он различил их, и вы помните, с каким торжеством вышел из этой борьбы эксперт. На такую экспертизу можно положиться. Со знанием она соединила и нравственное достоинство: энергичные, прекрасно мотивированные ответы ее говорили ясно, что мы имеем дело с людьми, убежденными в правоте своего мнения. От единогласной экспертизы отделился только один Михайлов. Один он твердил, что везде и во всем он видел полное сходство. Почему, невольно задавали мы вопрос, вы держитесь особого мнения? Но ответа не получили. Его письменное мнение лишено было всякой попытки на определенность, его ответы вы сами помните. Когда же после Бекана предложили и ему объяснить ход его мыслей, то он для объяснения своего мнения представил предположения о том, что Солодовникову кто-то указывал, как писать

отчество, когда он писал векселя игуменьи, что расписки он списывал с какого-то оригинала, словом, ряд таких выводов, которые не решалась поддерживать даже сама обвиняемая. Я не верю этому эксперту, да и вы не поверите. Экспертиза требует двух качеств: знания дела и добросовестности. Без знания невозможно ее производить, без нравственных качеств невозможно ручаться за соответствие ответа эксперта с тем, что он видел на самом деле. Обоими ли этими свойствами обладает Михайлов, вам это подскажет сама совесть.

Но довольно об экспертизе: и без нее, если б ее вовсе не было, подлог был бы очевиден. Припомните, что тексты на Солодовниковских векселях, подобно тому как и на Медынцевских документах, писаны Митрофанией. Это она признает. Но было время, когда она отступалась от этого, так что понадобилась экспертиза, которая и узнала руку. Рука изменена, иначе бы отказываться было нельзя, изменена настолько, что даже Михайлов дал о сходстве ее нерешительный ответ. А зачем сделано это изменение почерка и затем отказ от своей руки? Цель очевидна: игуменья знала, что векселя эти нечисты, что они – плод преступления, вот почему она и заметала след и отказывалась от своей работы. Невинный человек, какое бы преступление ни совершилось в местности, в доме, где он провел время, так не делает, он не боится сказать правды, а лицо, которое знает за собой дурное, старается всеми силами уничтожить следы своей работы и своего пребывания в заподозренной местности. Так поступила

и игуменя. Выдает ее и другой образ действий: вспомните сбыт векселей. В 1872 году наступают сроки векселям. Ей нужны деньги. Не проще ли было дать знать наследникам, что у нее груды векселей, сотни тысяч пожертвований? Но она скрывает от них и продает их тайно. Не проще ли было в любом банке дисконтировать? Фирма Солодовникова прочна, вера в нее не поколеблена: банки из-за 1 копейки в месяц учли бы векселя. Но и этого не делается, а по 60 коп., по 50 коп., даже по 40 коп. за рубль сбываются эти векселя темным личностям под строгим секретом. Хороший товар, господа присяжные, не так сбывают. На хороший товар есть и хороший покупатель, неси лишь на базар свое сокровище. Но если товар краденый, воровской, низкопробный, тогда беда с ним показаться на бирже. Такой товар сбывают из-под полы, в темных закоулках, темным, промышленяющим покупкою краденого людям. И не то ли мы видим? Кому сбыты векселя? Какие-то могилевские и минские евреи; какие-то Израильсоны, Фриденсоны, Моясы, Мейеры, Эпштейны, Россиянские выползли из своих нор, скупили и ждут минуты запустить свои жадные до чужого руки в чужое добро. Уж по одному этому видна доброкачественность векселей. Эти люди напоминают мне червей: их не видать на свежем куске мяса, на свежем, только что созрелом плоде. Но они кишат на всем разлагающемся и гнилом. Как по чутью бегут они на нечистое дело; но их нет там, где идет честная и открытая сделка, а такой сделки не могло выйти из кельи

игуменьи Митрофании.

Изобличает игуменью и сумма векселей, и вид их. Когда пошли поразившие своею неожиданностью слухи о векселях Солодовникова, мой веритель приобрел вексель в 2 тысячи рублей. Домашняя экспертиза утвердила нас в мысли о подлоге. Но враг казался сильным, надо было собирать данные. Пока шла эта подготовительная работа, печать огласила слухи. Тогда игуменья печатно, совершенно ясно заявляет, что у нее векселей только на 200 тысяч рублей. Ни о каких других векселях, ни о каких обязательствах нет и помину. Между тем проходит месяц, и сумма векселей растет до 460 тысяч рублей, являются сверх того расписки. Не ясно ли после той статьи, которую здесь читали, что все документы, кроме 200 тысяч рублей, сфабрикованы уже после? Но если она была способна к подделке после статьи, то разве до статьи она была не способна на то же? Изучив векселя, вы заметили, что они делятся на две группы: векселя черные и векселя, писанные рыжими чернилами. Последние имеют ту особенность, что писаны все в фамилии Солодовникова с начала строки, а первые имеют особенность ту, что фамилия Солодовникова начинается и с начала, и с середины, и с конца строки. Вот эти-то черные векселя и суть векселя второй группы, позднейшие; они появились тогда, когда, по обозрению образчиков первой группы в моем доме, было сказано ее посланному (Толбузину), что форма подписи Солодовникова сомнительна и изобличает сколку с одного векселя. Цвет чернил

текста совпадает с цветом чернил подписи. Игуменья здесь дала объяснение странное до смешного: она рассказала, что Солодовников привозил ей пузырек чернил и такой же прислал с Досифеей. Я не стану оспаривать то, чему невозможно поверить, но лучше вам напомню, что весь этот рассказ и свидетельство Досифеи явились уже тогда, как экспертиза предварительного следствия изобличила руку игуменьи в тексте и сходство чернил текста и подписи. Сознавшись в писании текста, игуменья утверждала, что Солодовников привозил ей бланки, подписанные дома, а она у себя вписывала текст, но сходство чернил изобличило единовременность текста и подписи. Надо было выйти из затруднения, и игуменья придумала историю с пузырьками, а Досифея явилась поддерживать игуменью. Насколько ловко и умно это объяснение и сколько в нем правды – на это мне не нужно обращать вашего внимания. Оно само себя обличает.

Когда завязалась борьба, игуменья начала обнародовать целый ряд подтвердительных документов, написанных покойным Солодовниковым. Особенность их состояла в том, что покойный необыкновенно предусмотрительно оспаривал те возражения, которые после него сделали наследники. Так родилось сомнение, денежные ли это документы? Солодовников из гроба отвечает, что документы его денежные и спору не подлежат. Усомнились, мог ли 18 декабря 1870 года он их выдать; явилось письмо от 19 декабря, где он пишет: «Вчера я написал векселей на 79 тысяч рублей, да вечером на

26 тысяч рублей на Махалина». Сомневались, что 18 числа могли быть выданы векселя Серебряному, а позднее Трахтенбергу; игуменья представила письмо, где Солодовников предупреждает наследников, что Серебряного и Трахтенберга векселя особые от Махалинских. Говорили, что в книгах векселя не записаны; Митрофания вынула письмо Солодовникова, где он просит Махалинские векселя не смешивать с фирмскими. (Между тем фирмских векселей у Солодовникова 30 лет никому не выдавалось, по свидетельству представителей фирм, с кем он вел дела, допрошенных на суде.) Поднялся решительный спор о подлоге; она выдвинула ряд писем и подписок, где покойный утверждает, что его подпись действительна. Между тем игуменья сама созналась, что векселя на 200 тысяч рублей привезены ей таким образом, что 27 декабря она получила 79 тысяч рублей, 28 декабря – 42 тысячи рублей, 29 декабря – 79 тысяч рублей, 3 января с Досифеей – 200 тысяч рублей и 5 января – 60 тысяч рублей. Она созналась, что ей привозили бланки, а не векселя. Если же так, то письмо 19 декабря о том, что 18-го были написаны векселя на Махалина на 79 тысяч и на 26 тысяч рублей – ложно. Оно писано, очевидно, еще тогда, когда она думала поддерживать объяснение, что векселя были ей вручены готовыми на имя Махалина. А раз она созналась, что ей привезены бланки, то подобного письма М. Солодовников ей писать не мог. Затем, если бы 18 декабря он ей написал на 79 тысяч и на 26 тысяч рублей, то отчего 27 декабря он привез

ей лишь на 79 тысяч рублей, а 26 тысяч с добавлением еще 16 тысяч лишь на другой день? Ложными являются и все письма, где Солодовников ей пишет, что векселя на имя Махалина он написал (их прочтено было несколько в виде писем и удостоверений). Если она сама созналась, что векселей он не писал, то отсюда ясно, что этот ряд писем составлен ею в тот период мысли, когда она думала доказывать, что векселя Солодовников привез ей готовыми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.